

ПРОЗА А.В. ДРУЖИНИНА И ОРАТОРСКАЯ ТРАДИЦИЯ ("ПИСЬМА ИНОГОРОДНЕГО ПОДПИСЧИКА")

Фельетоны А.В. Дружинина тесно и органически связаны со всем его многообразным в стилевом и жанровом отношении творчеством. Дружинин создавал разные жанровые варианты в пределах фельетона: фельетон-роман, фельетоны-письма (заметки, очерки). Наибольший интерес в жанрово-стилевом отношении представляет цикл *"Письма Иногороднего подписчика"* (1849-1854). До сих пор этот прозаический цикл не рассматривался в аспекте ораторской традиции, чем и обусловлено обращение к данной научной проблеме в рамках нашей работы.

Согласно сложившемуся представлению "Письма" относят к фельетонной традиции в литературе 40-50-х гг. XIX в. Тщательное изучение поэтики текста показывает, однако, что сочинение Дружинина не вписывается в жанровые рамки фельетона. Следует учесть определение самого А.В. Дружинина: это "ежемесячные отчеты о замечательнейших статьях, помещенных в наших журналах" [1, с.7]. По мнению современного исследователя А.М. Бройде, ""Письма" превратились в амальгаму беллетристики и критической статьи. В беллетристической стороне своих обзоров Дружинин давал выход творческим импульсам; в критической части он выступал как глубоко и тонко чувствующий читатель, который делится впечатлением со своими друзьями" [2, с.193-194].

Занимаясь критикой русской и зарубежной литературы, Дружинин применял метод "учить развлекая". Поэтому он пытался сделать стиль своих обзоров как можно более легким, свободным, а обзоры – одновременно и занимательными и содержательными. Сам А.В. Дружинин назвал свой стиль "оживленной беседой с читателем..." [3, с.36]. "Письма" действительно напоминают непринужденный, остроумный разговор с читателем, хорошо образованным, понимающим тонкую шутку, намеки, касающиеся литературной жизни и социальных событий в России и в Европе. Установка на беседу, устную речь сближает "Письма" с ораторской культурой, связанной со стихией устной речи. Приемы введения различных разговорных интонаций используются на протяжении всего повествования "Писем". Среди них следует, в первую очередь, отметить многочисленные авторские обращения. Н.Ф. Кошанский называет *обращение* среди "фигур мыслей, пленяющих сердце": "Обращение, живое чувство, говорящее к отсутствующему, бездушному и даже отвлеченному предмету. Оно предполагает во всем жизнь и трогает душу. Сия фигура способна для начала описаний и чрезвычайно употребительна 1) у прозаиков, 2) у ораторов, 3) у поэтов" [4, с.128].

Иногородний подписчик в своих "Письмах", прежде всего, обращается к читателю. В этих обращениях образ читателя окрашен различными экспрессивными оттенками: "благодарный читатель", "любезный читатель", "достопочтенный читатель", иногда читатель представлен как друг автора. Часто встречается обращение к авторам или к персонажам разбираемых произведений. Вот, например, шутивное обращение к героям романа Диккенса "Пиквикский клуб":

"И теперь, через столько лет, из ноябрьской книжки "Отечественных Записок" пахнуло на меня воспоминанием старой привязанности. Добро пожаловать, добродушный мистер Самуил Пиквик, творец "Теории о Пискарях", основатель клуба, названного его именем, джентельмен, привыкший к общему удивлению, подобострастию, и сохраняющий столько благородной наивности... Приветствую вас, добрые старики, шалуны-юноши, глупые джентельмены, леди с бородавками на носу, странствующие актеры, врали и любомудрые члены ученаго Пикквикскаго Клуба!" [1, с. 201].

Совершенно иной характер носит обращение к "собратьям", журнальным критикам – современникам Иногороднего подписчика. По отношению к ним автор использует ироничный, а иногда открыто насмешливый тон, осуждая их за перебранки, нападения на незащитных поэтов, лицемерие. Иногородний подписчик обращался, но никогда не называл имени или псевдонима объекта нападения, зачастую использовал аллюзии, которые не были понятны широкому читателю, но наверняка были ясны атакуемому критику. За такой способ ограждения литера-

турных собратьев от публичного унижения Иногородний подписчик получил прозвище "честного рыцаря" от "молодой редакции" "Москвитянина" [5, с.465]. Обратимся к тексту.

"Война с беззащитными, это пятно нашей журналистики, ея стыд, ея... но удержимся от названий. Взгляните на положение журнального критика. Он взялся быть злым, острым *quand-meme*, справедливым, готовым высказывать истину в глаза всякому писателю, оценивать его труд без гнева и пристрастия. И вот, о ужас, ему то и дело попадают статьи его приятелей, все людей раздражительных, писателей нужных для журнала, ученых, полных самолюбия. Что же ты притих, *строгий и неумолимый судья* (курсив мой. – Е.Т.), отчето представляя себе только невинное удовольствие выбрать их безжалостно и заочно, в тишине своего кабинета, ты разсыпаешься в похвалах перед теми, кто понужнее и позубастее; что же ты не выскажешь всей правды, не скажешь даже того, что их художественные создания сострепаны на скорую руку, а ученые исследования, при всем своем достоинстве, заключают много промахов?..

Но вот ты разгорячился, *журнальный герой* (курсив мой. – Е.Т.)! И из уст твоих действительно посыпалось нечто строгое и даже почти остроумное. Кто возбудил тебя к критической деятельности, кто затронул спящего льва? О ужас, ты воюешь с беззащитными, ты храбришься перед поэтом с его восьмью строчками, перед автором детской книжки, перед журналом, имеющим тридцать подписчиков, перед сочинителем статьи о сельском хозяйстве!" [1, с.556].

В этом небольшом отрывке – обилие риторических средств: повтор, метафора, синтаксический параллелизм, амплификация. Риторическое обращение, риторический вопрос, восклицание используются здесь не только для усиления экспрессивности, актуализации важных для автора идей, но и как приемы диалогизации речи, приобщения читателя к авторским рассуждениям на любую затронутую тему.

Как видно из отрывка, автор "Писем" широко использует тропы и риторические фигуры. Н.Ф. Кошанский выделяет четыре основных типа риторических фигур: "фигуры от недостатка и избытка слов", "фигуры от повторения и сходства слов", "фигуры мыслей, действующих на воображение", "фигуры мыслей, пленяющие сердце". Каждый из этих типов мы встретим в "Письмах Иногороднего подписчика". Приведем несколько примеров, комментируя их с помощью "Реторики" Н.Ф. Кошанского.

"Усугубление, повторение одного слова 1) дважды и трижды одного слова, через несколько слов для большей красоты и выразительности" [4, с.115] :

"Испытать *страсть*, даже счастливую *страсть* (курсив мой. – Е.Т.), дано многим людям на свете" [1, с.99]; "Взгляните, *сколько* милых отступлений, *сколько* светских афоризмов, *сколько* (курсив мой. – Е.Т.), блестящих замечок раскидано в этих мелких произведениях, которых нет средств назвать безделками !" [1, с.107].

"Единоначатие, когда несколько предложений или стихов сряду начинаются 1) одним словом или 2) иногда и двумя словами" [4, с.114]:

"*Кто* нас не уважает? *Кто* смеет находить дурным то, что мы ссоримся? *Кто* решается находить наши журнальные перебранки неприличными? *Кто* дерзает роптать на высокопарность наших мыслей, на пристрастие критики, на нашу угодливость перед друзьями, на наши книги, исполненные промахов (курсив мой. – Е.Т.)?" [1, с.549].

"Ответственность, когда сами вопрошаем и отвечаем. Сия фигура возбуждает внимание, любопытство и удовлетворяет оному" [4, с.119]:

"Что лучше: хвалить нечитанное или бранить нечитанное? Если нужно выбирать из двух зол, то я выберу себе последнее. Осуждая то, чего человек сам не читал, человек ещё может съострить порядочно; но, расхваливая вещи, о которых ничего не знает, он будет отменно скучен и плосок" [1, с.777].

"Вопрошение, обращение мысли, или чувства на вопрос, не требующий ответа" [4, с.130-131]:

"Ничто высокое не достается даром, и если должно знать всю медицину для того, чтобы сделать малейшую операцию, сколько же надобно иметь сведений всякого рода для понимания истории душевной болезни, особенно, если личность субъекта выше многих других личностей?" [1, с.71].

"Восклицание, невольное движение души, мысль, чувство, вырывающееся в сильной страсти" [4, с.130]:

"Как на разительный пример такой способности рассказывать свои путевые впечатления, я укажу на заметки графа Ростопчина, недавно напечатанные. Какая наблюдательность, какая оригинальность в воззрении на самые простые предметы! Какой живой, искусный, чисто русский рассказ!" [1, с.105].

"К ней (к риторической фигуре восклицания. – Е.Т.) относится и совосклицание, тоже восклицание, но только всегда оканчивающее речь, и притом заключающее в себе важную мысль" [4, с.131]:

"Мои завистники! Вы и не думаете, что на случай войны у меня в запасе целый арсенал, целая армия ошибок, промахов, противоречий, наивных выходов, собранных из ваших же сочинений!" [1, с.467].

"Желание, прошение, требование всех благ, или чего-либо чрезвычайного для себя, или существа, милого сердцу... Употребляется в заключениях описаний и речей: 1) у ораторов 2) у поэтов" [4, с.129-130].

"Ты идешь по ложной дороге, о литератор, укоряющий своего товарища за его самолюбие! Ах, если бы все поэты и прозаики, все беллетристы и фельетонисты были именно тем, чем вы не желаете его видеть, то есть самолюбивыми особами! Ах, еслиб в каждом из нас, в каждом из лиц, трудящихся на пользу русской науки и русской поэзии, горел этот жгучий огонь самолюбия, тот огонь, что так не приходится вам по вкусу, ценители и критики! Пусть бы каждый из нас, сгарая на этом плодотворном огне, клал всю свою душу в свое произведение, путем тяжкого труда шел бы к мерцающей впереди славе и добивался бы этой славы и, упиваясь сладостью успеха, посреди упоения, мечтал бы о новой славе, о новой борьбе, о новом труде, о новых усилиях и о новых рукоплесканиях!..." [1, с.798].

В этой экспрессивной речи Иногороднего подписчика целый набор риторических средств: риторическое обращение, повтор, анафора, фразеологические клише, восклицание, многосоюзие.

"Отступление, искусный переход от одного предмета к другому. Служит к соединению частей Рассуждения.

Возвращение, переход от постороннего к главному предмету, последствие отступления. Сии две фигуры всегда следует одна за другою, обращает ум от одной истины к другой и для ораторов необходимы" [4, с.121].

А.В. Дружинин – любитель отступлений, экскурсов. Он сам на это указывает в первом "письме":

"Долго толковать об одном предмете я не в состоянии... Я до крайности способен начинать за здравие, а сводить за упокой, по поводу журналов говорить о театре, и толкуя о чтении вернуть несколько слов об охоте и сельском хозяйстве. Отступление вещь никогда не лишняя; часто мысль ваша бродит на страшное расстояние от вашего предмета и, несмотря на то, между предметом и отступлением рождается какая-то связь, с первого разу непонятная. Итак, да здравствуют отступления!" [1, с.7].

Литературные анекдоты, шутки, пародии переплетаются с меткими оценками произведений литературы, искусства.

Обратимся к одному из "Писем" за декабрь 1850 г. Как считал Иногородний подписчик, декабрьские номера периодических изданий представляют наибольший интерес для читающей публики, так как содержат подборку лучших произведений: "Подобно ариостовой волшебнице, журналы наши являются в декабре месяце к своим долготерпеливым подписчикам и начинают осыпать их возможными дарами" [1, с.438]. В связи с этим наиболее любимый и ожидаемый для Иногороднего подписчика месяц – декабрь. Перед непосредственным обзором декабрьских периодических изданий следует пространное отступление, в котором с шуговой патетикой, не без доли лиризма воспевается этот месяц.

"В кругу двенадцати месяцев каждого года и у меня есть один месяц, которого я жду с любовью, и о котором вспоминаю всегда с удовольствием – это месяц декабрь, с его бесконечными вечерами, холодом и веселостями, дружескими беседами у камина, обедами, продолжающимися до ночи, сплетнями, которым не веришь, но которые слушаешь с удовольствием, с его обновками и детскими праздниками, с его газетами и журналами, сверх ожидания полными любопытных статей и обещаний, вечно повторяемых и не исполняемых никогда.

Но что всего лучше в декабре – это декабрьские сумерки, которых у вас никто почти не видит, потому что в больших городах и перед праздниками некогда восхищаться картинами не стоящими человеку ни гроша, и несмотря на то, в миллион раз прекраснейшими, нежели лучшие из картин фламандской школы...

И Боже мой! Чего только нет в этом сумраке, какие картины в нем таятся, как нежно и возбужденно действуют они на воображение спокойного и полудремлющего человека! Стоит только взглянуть в них пристально, и вся минувшая жизнь мелькнет перед вами, с детскими воспоминаниями, первыми привязанностями, горестями, которые кажутся так малы, и радостями, за которые вы крепко держитесь и которым знаете всю цену..." [1, с.436-437].

Такого рода "лирические отступления", описания, пассажи характерны для стиля А.В. Дружинина и в фельетонах, и в беллетристике, и в критике.

Риторические приемы в значительной части текста "Писем Иногородного подписчика" преобразуют повествование в ораторскую речь, организованную по законам ораторского искусства, а автор – повествователь, рассказчик, собеседник читателя – предстает как оратор. И речь автора-оратора в некоторых случаях ориентирована на определенные ораторские жанры. Попробуем выделить некоторые из них в тексте "Писем".

На протяжении всего цикла Иногородный подписчик не раз обращается к *защитительным* речам, как известно, относящимся к жанру судебного красноречия. Сам автор "Писем" признается: "Я люблю защищать писателей, из которых цитирую или ворую некоторые мысли" [1, с.191]. Но Иногородный подписчик выступает с защитой не только цитируемых им писателей или авторов разбираемых произведений. Он защищает и русскую литературу в целом:

"Русская литература бедна, говорят журналы и читатели, и я, и вы, все мы повторили эту избитую фразу. Завтра, может быть, я повторю ее снова с полным убеждением, но сегодня я вовсе не верю этому приговору и намерен от чистого сердца проповедывать противное" [1, с.24].

Автор выступает и с защитой "легкого чтения", а точнее стихотворений "пригодных для "легкого чтения"" [1, с.425]:

"Кстати о легком чтении. По поводу его пришел мне в голову новый аргумент в защиту стихотворений, с которыми так жестоко поступали и еще поступают во многих журналах, и к которым недавно оказалось во мне большое участие. По какой причине наши периодические издания, желая угодить любителям "легкого чтения", в изобилии печатают посредственные романы и повести и еще платят за них хорошие деньги, между тем, как посредственные стихотворения изгоняются с насмешкою из этих изданий? Разве в деле "легкого чтения" существует двое весов и две меры, так что вещь, годная для "легкого чтения", потеряет свои достоинства, если будет переложена в собрание стихотворений?" [1, с.425].

Далее Иногородный подписчик пытается изменить представления читателей о понятии "легкое чтение".

"По крайнему моему разумению, все существующие стихотворения на всех возможных языках могут быть разделены на три разряда: на стихотворения истинно изящные, стихотворения, годные для "легкого чтения", и на стихотворения, ровно никуда не годные. И заметьте, что ко второму разряду принадлежит наибольшее количество стихотворных вещей. Шиллер, Байрон, Дант и наш Пушкин написали множество страниц, годных для "легкого чтения", потому что не каждая же строка этих великих поэтов носит на себе печать их гения. Не признавая стихотворений для "легкого чтения", мы не будем знать, к какому разряду деятелей отнести людей весьма замечательных, положим хоть Уланда, Риккерта, Китса, Шелли, де-Мюссе, Баратынского? Что же, прикажете не читать этих даровитых поэтов, за то, что они не создали ничего изумительно прекрасного?" [1, с.425].

Автор "Письма", тем самым, выводит вопрос на более общие уровни, характерные для критической мысли эпохи, – им не только затрагивается, но и заостряется проблема "литературных рядов" [6]. Аргументированность и доказательность – необходимые условия защитительной речи. Помимо аргумента Иногородный подписчик использует ещё один прием, широко применяемый и в ораторском искусстве – ссылки на образцы (апелляции к авторитету Пушкина, Шиллера и т.д.).

Следующий пример связан с бытовым красноречием. Иногородный подписчик поздравляет читателей, журналистов и литераторов с наступающим Новым годом (письмо за декабрь 1852 г.). Автор произносит шутливую речь, напоминающую *тост* (а тост, как известно, относится к жанру бытового красноречия):

"Скажем последнее прости всем этим слезам сквозь смех, и пристрастия подличиной педантизма, и усиленному разсматриванию кислых сцен кислой жизни, и бурям, поднимающимся из мраком одетой главы, и печальному дендизму, и разочарованию, и учюности, проживающей в бочке Диогена, и женщи-

нам, вечно страждующим и забытым; простимся с самохвальством и Теньеровскими сценами без Теньерова таланта, и с нашими друзьями художниками в прозе (не без орфографических ошибок), и с женщинами-писательницами, в роде Анны Крутильниковой, и с духом партий, ныне, увы! Сгнивших и разсыпавшихся от двух-трех удачных щелчков!...

Для нас останется все утешительное и прекрасное в современной жизни, любовь и дружба, борьба и наслаждение, блистательные периоды своей и чужой истории, безконечное наблюдение над человеком всех сортов и видов, только не над кислым, однакож, человеком!" [1, с.702-703].

В своей речи Иногородний подписчик парадоксально варьирует афоризмы: "смех сквозь слезы" в "слезы сквозь смех". Следует отметить, что А.В. Дружинин в "Письмах", вопреки правилам риторики, часто прибегает к изменению фразеологизмов, крылатых фраз: "И переиначив декартову аксиому, образованный член общества смело может сказать в наше время: *читаю, следовательно, существую* (курсив мой. – Е.Т.)" [1, с.8], что создает если не пародийный, то юмористический эффект. Это "облегчает" афоризмы, которые иначе бы "давили" как сентенции. В приведенном отрывке мы также встречаем восклицания, многосоюзие, служащее "для большей выразительности и силы: 1) между словами, 2) между мыслями" [4, с.114].

В тексте цикла мы можем выделить и элементы церковного красноречия, а именно проповеди, надгробной речи, академического, торжественного красноречия.

Разумеется, ораторские жанры не могут быть выявлены в цикле "Писем Иногороднего подписчика" в чистом виде. Можно говорить об определенной ориентации Дружинина на традиции ораторского искусства; о том, что они характеризуют существенные свойства его публицистического стиля.

"Обращение к ораторскому слову было вызвано задачами острой общественно-литературной борьбы, продиктовано полемическими мотивами. При этом именно в критических и публицистических жанрах – статьях, очерках, памфлетах, фельетонах риторическая система выступала в наиболее чистом виде, определяя разные уровни их построения" [7, с.360]. Это сказано о литературной полемике 30-х годах XIX столетия. Мы считаем, что данное высказывание вполне применимо и к 50-м гг. XIX в.

Ораторская традиция, так или иначе сказавшаяся в публицистике и в критике А.В. Дружинина, проявилась и в его художественной прозе. Вероятно, как отмечает Н.Л. Вершинина, Дружинин близок риторической культуре "и как беллетрист (всегда имеющий в виду слово "готовое", литературно опосредованное), и как литературный критик, журналист, использующий риторические формулы в убеждающих целях, причем, не только в соответствующих жанрах, но и, как отмечает Т.Ф. Рябцева, в художественной прозе" [8, с.40-41]. Но данный вопрос уже составляет предмет отдельного исследования.

Литература

1. Дружинин А.В. Полн.собр.соч.: В 8 т. СПб., 1865. Т.VI.
2. Бройде А.М. А.В.Дружинин. Копенгаген, 1986.
3. Письма Иногороднего подписчика о русской журналистике //Библиотека для чтения. 1853. Т.119. Отдел "Смесь".
4. Кошанский Н.Ф. Общая Риторика, 3-е изд. СПб., 1834.
5. Анненков П.В. Литературные воспоминания /Вступ.ст. В.И. Кулешова. М., 1989.
6. О проблеме "литературных рядов" см. статьи С.И. Кормилова, например: Кормилов С.И. О соотношении "литературных рядов" (опыт обоснования понятия) //Известия АН. Серия литературы и языка, 2001. Т.60. №4.
7. Михайлова Н.И. "Витийства грозный дар..." А.С. Пушкин и русская ораторская культура его времени. М., 1999.
8. Вершинина Н.Л. "Интеллектуальная риторика" в прозе А.В. Дружинина 1840-х начала 1850-х годов //А.В. Дружинин. Проблемы творчества: К 175-летию со дня рождения: межвуз. сб. науч. тр. Самара, 1999.